

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б89

Оформление серии *Е. Петровой*
Редактор серии *А. Осминина*
Иллюстрация *Nictorien*

Фрагмент шрифтового оформления в дизайне обложки:

© Ерифantsev / Shutterstock.com и элементы дизайна:
Vasya Kobelev / Shutterstock.com

В оформлении авантитула использована иллюстрация:

© DELstudio / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Брусилов, Лев.

Б89 Происшествие в городе Т. / Лев Брусилов. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-213061-8

На губернатора совершено покушение в его собственной карете. Орудие преступления вызывает у полиции лишь улыбку, ведь это — обычная серебряная ложка и нападавший просто душевнобольной. Но вскоре начальник сыскальной полиции барон фон Шпинне начинает понимать, что губернатору грозит серьезная опасность. Это дело станет первым в череде загадочных происшествий в городе Т.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-213061-8

© Брусилов Л., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. НАПАДЕНИЕ	7
Глава 2. ГУБЕРНАТОР ПРИХОДИТ В СЕБЯ	16
Глава 3. ЛОЖКА МАСТЕРА УСОВА	23
Глава 4. ТЕРЗАНИЯ ГОРОДСКОГО КАЗНАЧЕЯ	30
Глава 5. ВСТРЕЧА НА ПУСТЫРЕ	38
Глава 6. ВОТ ЭТА УЛИЦА, ВОТ ЭТОТ ДОМ...	45
Глава 7. ДОПРОС	53
Глава 8. РАЗГОВОР ФОН ШПИННЕ с ГУБЕРНАТОРОМ	60
Глава 9. ФОМА ФОМИЧ ДУМАЕТ	66
Глава 10. ВОЛОДЯ МЯСНИКОВ	73
Глава 11. СЛЕД МАСТЕРА УСОВА	79
Глава 12. ПОРУЧЕНИЕ	90
Глава 13. СТАРИК МЯСНИКОВ	94
Глава 14. ПОЕЗДКА В ДЕРЕВНЮ КОСТРЫ	103
Глава 15. ПЬЯНЫЙ КОРЕНЬ	116
Глава 16. БАРСКИЙ ПОВАР.	130
Глава 17. ЧУДО В ХРАМЕ УСЕКНОВЕНИЯ	138
Глава 18. ИКОНА СВЯТОГО ПАНТЕЛЕЙМОНА.	146
Глава 19. В ТРАКТИРЕ ДУДИНА	158
Глава 20. ПАНТЕЛЕЕВСКАЯ БОЛЬНИЦА	166
Глава 21. ИКОНОМАНИЯ	179
Глава 22. КОЛЛЕЖСКИЙ АСЕССОР ЩЕРБАТОВ	186
Глава 23. ОПОЗНАНИЕ	195

Глава 24. «СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ»	203
Глава 25. УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ ТОРФЯНОЙ	211
Глава 26. ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ	224
Глава 27. «БИРОТО»	233
Глава 28. «СЛАДКАЯ ЖЕНЩИНА»	249
Глава 29. ПЯДНИКОВСКИЙ ДОМ	264
Глава 30. ВТОРОЙ ОСМОТР КОМНАТЫ АГАФОНОВА	270
Глава 31. НОВЫЙ ЖИЛЕЦ	276
Глава 32. КТО ТАКОЙ АГАФОНОВ.	282
Глава 33. УСТУПИ МЕСТО, САМОЗВАНЕЦ!	290
Глава 34. СЕКРЕТАРЬ КЛЮЕВ	303
Глава 35. ГУБЕРНАТОР В УЖАСЕ	311
Глава 36. БЕСЕДА ФОН ШПИННЕ С ГРАФИНЕЙ МОЖАЙСКОЙ	328
Глава 37. ЧТО НЕ ДАВАЛО ПОКОЯ ЩЕРБАТОВУ	342
Глава 38. СЛЕЖКА	352
Глава 39. ШВЕЙЦАР.	368
Глава 40. ФАЛЬШИВЫЙ ПРОФЕССОР	376
Глава 41. МЫ С ВАМИ, КАЖИСЬ, ЗНАКОМЫ	387
Глава 42. БОЛЬНАЯ РУКА	405
Глава 43. УДАР	413
Глава 44. УМНЫЙ ЧЕЛОВЕК	423
Глава 45. ВИЗИТ ВДОВЫ	434

ГЛАВА 1

НАПАДЕНИЕ

Поздним слякотным вечером начала мая 1889 года татарский губернатор граф Иван Аркадьевич Можайский возвращался домой из Английского клуба.

Граф только что проиграл в карты председателю казенной палаты Хохрякову сто рублей. Никогда раньше Иван Аркадьевич не проигрывал, даже в молодости, служба в полку. Среди господ офицеров тогда слух ходил, будто бы знает поручик Можайский слово заветное, карточное, и благодаря ему выигрывает. Еще говорили, что корнет Серпухов предлагал за слово это свое подмосковное имение. Граф отказал, со смехом заявив, что никакого слова не знает. Выигрывает, потому что удачлив, а вот удачу свою ни на что не обменяет... Но все это — опять же по слухам...

А вот теперь проигрыш! Настроение его превосходительства было скверным. Тому способствовала еще и рюмка анисовой, которую граф выпил,

уступив настоятельным просьбам Хохрякова. Результатом была сильная изжога — наказание за уступчивость. Но если говорить начистоту, у графа были куда более веские причины для дурного настроения.

Несколько дней назад он узнал, что его жена Елена Павловна (Иван Аркадьевич вторым браком был женат на вдове помещика Вайского) увлечена князем Богомиловым — губернским предводителем дворянства. Более того, граф подозревал, что это не просто увлечение, а связь! У него не было доказательств, говорящих в пользу этой связи, однако он не смог удержаться и сегодня утром позволил себе довольно прямой разговор с женой. Задал ей несколько достаточно унижительных вопросов, после которых Елена Павловна вспыхнула, точно пересушенный порох: с шумом, дымом и пламенем.

— Да как вы смеете говорить мне подобные вещи! Как смеете меня подозревать, или я давала вам хоть малейший повод усомниться в моей верности? — выкрикивала она и, заламывая руки, стремительно ходила по спальне. С каждым мгновением голос ее становился громче, а жестикуляция яростнее — казалось, еще чуть-чуть, и у Елены Павловны начнется истерика.

Они состояли в браке уже два с половиной года, но губернатор впервые видел графиню в таком возбужденном состоянии. Первая жена, с которой он прожил без малого тридцать лет, была тихоней: мужу не перечила, свое мнение, даже если и имела,

никогда не высказывала. Сегодня, в первый раз после ее смерти, граф вспомнил покойную добрым словом: «Замечательная была женщина».

Иван Аркадьевич, уже жалея о том, что начал этот разговор, попытался успокоить Елену Павловну, обнять, как-то утешить, но она с такой невероятной силой, с такой ненавистью оттолкнула его, что он, потеряв равновесие, упал навзничь. Будучи затянутым в корсет, граф не мог, сколько ни старался, тотчас же подняться. Глядя, как он тужится и беспомощно дрыгает ногами, точь-в-точь перевернутый на спину майский жук, Елена Павловна зло рассмеялась.

— А впрочем... — Она наклонилась над мужем, кровь прилила к лицу; красота, которой она славилась на всю губернию, исчезла; голубая жилка вздулась на лбу и начала пульсировать. — Можете думать все, что вам заблагорассудится, все, что только придет в ваш заплесневелый мозг! Я не стану оправдываться... Богомилов мой любовник! А что? Это даже забавно. И заметьте, мой любовник не какой-нибудь граф, а князь! Это должно ударить вас еще сильнее! Теперь же уходите, я хочу побыть одна.

Нельзя передать словами, какое унижение, какую бессильную злобу испытал Иван Аркадьевич, лежа на полу у ног жены, которую еще мгновение назад обвинял в измене. В таком положении выслушивать в свой адрес дерзости, граничащие с оскорблением, — это ужасно. К тому же нельзя

не упомянуть о том, что он был в мундире и при орденах. А тут еще, очевидно привлеченная шумом, горничная заглянула в спальню...

Все эти неприятные события и привели его превосходительство в Английский клуб, где он за ломберным столом намеревался отвлечься от угнетающей действительности. Карты всегда помогали, стоило только сесть за стол, взять в руки пахнущую свежей типографской краской колоду, перетасовать, услышать этот ни с чем не сравнимый шелест, все заботы и проблемы уходили, растворялись, оставалась только игра. Но в этот раз подобного, увы, не произошло. В течение трех сыгранных партий утренние сцены так и стояли перед глазами графа, заставляя совершать непростительные для опытного игрока ошибки. В итоге, как мы помним, сторублевый проигрыш, и кому — председателю казенной палаты, который и играть-то по-настоящему не умеет, карты слюнявит и вообще человек неприятный. Выигрывать надобно с достоинством, лица не терять, а у него все шутки да прибаутки. «Глазам своим не верю, у меня бреллан-каре, у меня снова бреллан-каре!» — в продолжение всей игры приговаривал председатель казенной палаты.

Однако надо заметить, что проигрыш расценивался его превосходительством не столько как потеря денег, деньги что — пустяк. Расстраивало другое: судя по всему, удача отвернулась от него.

Теперь граф возвращался домой. Сидя в экипаже, комкая бархатную подушку и безвольно отдаваясь дорожным толчкам, он лелеял одну мысль, навеянную сыростью и мраком. Отыскать доказательства связи Елены Павловны с князем Богомиловым (каков подлец!), а еще лучше — поймать с поличным.

— Поймать с поличным... — проговорил он со стоном, и от этих слов графу, вопреки всему, сделалось приятно. Припомнилась так обожаемая в молодости псовая охота: храп лошадей, повизгивание гончих (особое повизгивание, указывающее на то, что зверь где-то рядом), крики выжлятников, терпкий пьянящий запах осенней лесостепи. По коже прокатились шарики легкого возбуждения. — О-о-о, это было бы превосходно!

Уличные фонари сквозь незадернутые окна кареты высвечивали Ивана Аркадьевича мутным желтым светом. Благодное выражение лица, вызванное мечтами о поимке с поличным, вдруг изменилось — досада искривила губы, и это не могли скрыть даже пышные николаевские усы. Пришло понимание, что он поторопился. Разговор с женой нужно было отложить на потом. Вначале все хорошенько проверить и разузнать, если нужно, то и проследить, а уж затем...

Да, поторопился и сам раскрыл все карты. Теперь, если она даже и виновна, уличить ее будет весьма и весьма трудно...

А что, собственно, послужило причиной, подтолкнувшей его превосходительство к подозрениям и к этому не вполне обдуманному шагу — разговору с женой?

Анонимное письмо!

Оно было написано аккуратным почерком, ни исправлений, ни помарок. Это могло означать, что человек, его написавший, руководствовался не внезапным эмоциональным порывом, а все хорошо и трезво продумал. Вначале составил черновик, а уж затем не торопясь переписал начисто. Оно содержало в себе не прямые указания на измену, а всего лишь полунамек. По всей видимости, писавший хорошо знал губернатора: характер, привычки, слабости; знал, каким способом можно вывести его превосходительство из себя. И, надо заметить, не ошибся. Губернатор после прочтения был взбешен. Поначалу даже не тем, что жена, возможно, изменяет ему, а тем, что кто-то, потеряв всякий страх, осмеливается об этом писать. Выйдя из себя, граф изорвал письмо в клочья. Выбросил. И только спустя время до него дошел истинный смысл написанного. Конечно же, граф пожалел о том, что уничтожил письмо.

Карета подъехала к графскому дому и остановилась.

Губернаторский охранник унтер-офицер Щеклдаев неуклюже спрыгнул с козел, где сидел бок о бок с кучером. Если рослого унтер-офицера

несколько лет назад можно было назвать хорошо сложенным, то теперь язык не поворачивался это сделать. Сытая пригубернаторская жизнь сделала его тучным: в два раза увеличился живот, на боках, словно торбы, выросли жировые горбы, голова приросла к плечам. Щеколдаев имел круглое упитанное лицо и темные волосы, брови ленточками и маленькие осторожные глазки, под некрупным носом росли редкие азиатские усы.

Губернатор не спеша выбрался на вольный воздух. Хмуро осмотрелся, а затем медленно поднял глаза к третьему этажу дома, там располагались апартаменты жены. Светились три крайних окна. За плотно закрытыми шторами двигались две совершенно одинаковые тени: Елены Павловны и, очевидно, прислуги. Вспомнив горничную, граф скривился, точно откусил кислого. Сегодня утром вышло нехорошо, ну да ладно. Рядом стоял унтер-офицер и терпеливо ожидал дальнейших распоряжений. Губернатор попросил унтера достать из экипажа свою трость. Щеколдаев нырнул в карету.

А в этот самый момент с противоположной стороны улицы от дома фабриканта Бахичева в направлении губернаторского экипажа, никем не замеченный, двинулся человек. Длинный, до пят, плащ, широкополая, надвинутая на самые глаза, популярнейшая в те годы шляпа канабрийского разбойника и, что самое замечательное, совер-

шенно бесшумная поступь подталкивали к мысли, что это фантом. Дурное освещение и сырая погода усиливали впечатление. Но все же это был человек. Он обошел экипаж сзади, его тень упала на лакированную, всю в капельках дождя, стенку кареты. Выйдя на тротуар, незнакомец ступил несколько шагов и остановился в трех саженьях от его превосходительства, который ожидал, когда отыщут трость.

Какое-то время человек стоял молча, потом окликнул губернатора. Тот в тяжелой задумчивости повернулся.

— Вы граф Можайский? — спросил незнакомец нарочито грубым голосом.

— Да, это я! — ответил Иван Аркадьевич и через секунду добавил: — Но что вам угодно, сударь?

Незнакомец не ответил. Вместо этого выкрикнул очень странную фразу:

— Уступи место, самозванец!

Пребывая в замешательстве, граф не успел что-либо возразить. Незнакомец бросился на него. Мокро хлопнув, полы плаща разлетелись в стороны, а в правой руке что-то блеснуло.

«Нож!» — с ужасом подумал граф.

Незнакомец уже рядом, адским пламенем горят глаза. Иван Аркадьевич не хочет, да нет, он просто не в силах смотреть на блестящий предмет в руке нападавшего. Клокотанье вместо крика, тупая боль в левом подреберье, его превосходительство, дер-

Происшествие в городе Т.

жась за живот, заваливается на бок. Помутневшим взором видит, как, подобрав полы плаща, убегает незнакомец, как толстозадый кучер пытается его схватить. А где же верный охранник Щеколдаев? Унтер, словно раненый зверь, бьется в судорогах возле экипажа.

«Неужели и его...» — теряя сознание, успевает подумать губернатор.

ГЛАВА 2

ГУБЕРНАТОР ПРИХОДИТ В СЕБЯ

Что-то больно и едко ударило Ивана Аркадьевича в ноздри, он охнул и поднял веки. Рука в белоснежной, скрепленной коралловой запонкой манжете держала склянку с нюхательной солью под самым его носом. Вяло отведя ее в сторону и глядя слезящимися глазами на два расплывчатых лица, граф с ужасом в голосе проговорил:

— Вы кто?

Одно лицо приблизилось почти вплотную:

— Не признали, Иван Аркадьевич, Фирс я, — раздался услужливый голос губернаторского камердинера. — А это доктор! Были еще из полиции. Порыскали тут, посовали везде носы свои, спросили, что нужно, и ушли. Потом, сказали, придут. Полицеймейстер тоже приходил, но я его не пустил. Напугал ты нас, батюшка, ох как напугал. Думали все, убили тебя враги, а оно, вишь, счастье-то какое, обошла беда, слава тебе господи... — И захохал, запричитал графский челядинец.

Чтобы не утомлять читателя старческими всхлипами преданного слуги, вкратце расскажем, как развивались события.

Прежде всего, что же случилось со Щеколдаевым, почему он не смог прийти на помощь его превосходительству? А лишь до хрипоты орал: «Держи его, хватай его!» Все очень просто: выбравшись из кареты и видя, какая опасность грозит губернатору, унтер бросился на помощь, но вот незадача — ступенька подломилась, и нога застряла в откидной лесенке экипажа, как в капкане. И это счастье, что лошади не понесли, испугавшись того, как Щеколдаев, пытаясь освободиться, орет и раскачивает карету.

Кучер, следуя призыву унтер-офицера, с грехом пополам спустился с козел, отважно кинулся ловить нападавшего, но мешали ливрея и «ватная задница». Злодей, к тому времени сваливший с ног губернатора, был вертляв как черт, нырнул под растопыренными руками кучера и был таков!

— Мать-перемать! — Ругаясь самыми последними словами, Щеколдаев метнул в злодея губернаторскую трость, не думая о дорогом литого серебра набалдашнике. В нападавшего не попал, зато угодил кучеру в шею. Тот упал и тоже принялся материться. На шум выбежала прислуга.

Ивана Аркадьевича дворецкий вместе с камердинером Фирсом внесли в дом. Один раз роняли, потом бегали по комнатам — куда положить бездыханное тело, везде все дорого, везде пачкать жалко,

и если бы не Елена Павловна, скомандовавшая: «Несите в кабинет, там кожаный диван!» — так бы, наверное, и держали в руках до приезда доктора.

* * *

Доктор Викентьев прибыл спустя четверть часа. Осмотрел графа, нашел его целым и невредимым, за исключением небольшой припухлости в области левого подреберья, несмотря на горячие заверения кучера и к тому времени уже вырвавшегося из каретной западни Щеколдаева, что губернатора ударили ножом. Во время осмотра, и об этом необходимо упомянуть особо, доктор увидел, что в левой руке его превосходительства зажат нелепый применительно к ситуации предмет, а именно — ложка! Да-да, обычная ложка из серебра, только согнутая. Пока губернатор пребывал в бессознательном состоянии, доктор так и не смог, сколь ни старался, разжать графу пальцы, чтобы освободить эту ложку. Вот и лежал Иван Аркадьевич на диване, точно умерший от передания обжора, прижимая к сердцу самое дорогое.

Новость о нападении на губернатора разлетелась по Татаяру со скоростью кавалерийской атаки. Но почему-то так получилось, что в сторону Патаевской полицейской части, в которую входила улица Изрядная, скорость этой атаки была чуть меньше, чем в остальные стороны. И поэтому к приезду полиции возле губернаторской резиденции слу-

чилось истинное столпотворение от собравшихся там экипажей, пролеток и просто пеших зевак. Произошел даже инцидент. Экипаж председателя казенной палаты Хохрякова, который тотчас же после известия о нападении бросил игру и примчался на место происшествия, сцепился осями с другим экипажем. Между кучерами вспыхнула потасовка, и кто знает, чем бы это все закончилось, может быть, крупным сражением извозчиков, но вмешались вскоре прибывшие жандармы, и все разрешилось лучшим образом. Надавали обоим по загривкам, затем загнали на козлы, после чего расцепили оси и велели ехать по домам.

— Как же так! — возмущался, приоткрыв дверцу кареты, Хохряков. — Я друг его превосходительства и хочу знать о его самочувствии!

— Все хотят, потому и понаехали, не разминуться! — отвечал ему пристав Патаевской части. — И вы бы тоже, господин председатель, ехали. Завтра уж и спросите, а сегодня никак, доктор запретил к нему входить. Самому полицмейстеру отказано. И мы вот тоже должны следственные мероприятия провести, а не можем из-за экипажей. Вы уж езжайте, езжайте, завтра узнаете!

— Так он жив или нет?

— Жив!

— Это точно?

— Стану я вам врать при исполнении!

Еще целый час полиция кого уговорами, а кого и принуждением заставляла разъехаться и разойтись по домам.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что граф Можайский был в Татайре личностью крайне популярной и безмерно любимой, однако это не так. К Ивану Аркадьевичу относились ровно, а что съехались после нападения к дому даже быстрее полиции, так это были в массе своей чиновники, зависимые от его превосходительства.

Когда перед домом губернатора остались только пролетка доктора Викентьева и несколько полицейских таратаек, стражи закона, наконец, приступили к осмотру места происшествия. Правда, он ничего не дал. Следы, которые, возможно, и остались после нападения, были безвозвратно потеряны. Пристав Самсонов в сопровождении двух квартальных сунулся было в дом, но дорогу ему перегородил дворецкий.

— Пуцать не велено! — Он выпучил глаза и, судя по всему, был готов даже на то, чтобы оказать представителям власти сопротивление.

— Да ты понимаешь, голова садовая, с кем говоришь... — начал пристав.

— Понимает! — Рядом с дворецким возник Фирс. При его появлении Самсонов попятился. У губернаторского камердинера была слава бойкого старичка, от которого можно ожидать чего угодно. — Он все понимает, а ты иди себе, в доме тебе делать нечего, понадобится, позовут!

И хотя Фирс был небольшого звания, пристав понимал, что это ровным счетом ничего не значило. Фирс — один из немногих, кто говорил

с губернатором запросто, а это дорогого стоило. Однако просто так вот повернуться и уйти полицейский начальник не мог, гордость не позволяла, да и перед стоящими рядом квартальными марку нужно было держать, и поэтому он заявил:

— Мы должны провести следственные мероприятия, опросить свидетелей...

— А тут никаких свидетелей нету! — парировал Фирс.

— Мне нужен кучер и унтер-офицер Щеколдаев.

— Так вот и иди в лакейский домик, они там. — При этом камердинер переступил порог и показал, куда нужно идти.

— Хорошо! — кивнул Самсонов. Приличия были соблюдены, и теперь он мог, не упав в глазах подчиненных, идти в лакейский домик составлять протокол.

На следующий день об этом странном нападении написали губернские газеты.

Всегда пафосный, когда дело касалось исполнительной власти, «Глагол» сообщал: «Вчера вечером на возвращавшегося домой губернатора Можайского не установленным пока лицом совершено дерзновенное нападение, но, благодарение богу и решительным действиям охраны, оно было пресечено в самом зачатке. Его превосходительство живы и здоровы, а вот нападавшему, коварно использовавшему темноту и слякоть, удалось скрыться. Полиция, определив круг подо-

зреваемых лиц, ведет успешные поиски злоумышленника...» Люди бывалые в этом месте чтение прерывали. Те, кто был попроще, сплевывали на пол, а у тех, кто имел воспитание, на лице появлялась ехидная улыбка.

Потому что все написанное, за исключением самого факта нападения, было неправдой. Никто не определял круг подозреваемых лиц, и никто никого не искал... Да и кого искать? Походи его найди! Он уже, наверное, вон где!

А вот «Губернский патриот», газета, издававшаяся на средства дворянского собрания и мягко оппонировавшая исполнительной власти, была не столь благозвучна в определениях, как «Глагол». Нападение на губернатора она назвала курьезным и первой выдвинула предположение, что гнутая серебряная ложка, неизвестно каким образом попавшая в руки его превосходительства, и есть тот самый блестящий предмет, который и губернатор, и его охранник Щеколдаев приняли за нож.

О нападении на губернатора в Татайре какое-то совсем непродолжительное время поговорили и благополучно забыли, но ненадолго. История эта вскорости получила продолжение, и надо заметить, довольно зловещее.

ГЛАВА 3

ЛОЖКА МАСТЕРА УСОВА

Прежде чем рассказать, какое зловещее продолжение получила история о нападении на графа Можайского, вкратце сообщим, что после случившегося Иван Аркадьевич впал в странную созерцательную задумчивость. Говорил мало, все сидел в кабинете и занимался тем, что переставлял на столе письменные принадлежности, никого не принимал, кому и удалось к нему пробиться сквозь заслон челяди, так это полицмейстеру. Он пришел к губернатору с одним-единственным вопросом: «Искать злодея или не искать?» Это может показаться странным: конечно же искать. Однако в те годы, когда вся власть в губернии была сосредоточена в одних руках и они принадлежали графу Можайскому, такой вопрос задать было просто необходимо.

Граф, чуть подумав, сказал:

— Ищите! — Но сказал вяло, безынициативно, точно и не касалось это происшествие его.